Куро Аку переродился в мире Kamph um die Liebe.

Первые несколько лет его детства пролетели незаметно, оставив лишь обрывки воспоминаний.

Он помнил свою мать, ее длинные прямые черные волосы, теплоту ее голоса…

Он также помнил их дом в трущобах, ветхую руину, не пригодную даже для бродячей дворняги, не говоря уже о маленькой семье из двух человек.

Он также помнил ледяное зимнее утро, когда его мать умерла от страшной лихорадки, и он остался совсем один в этом жестоком мире… именно тогда маленький ребенок начал думать, что все, что он, как ему казалось, помнил – другой мир, игру, его разговор с богом, обещание отправиться в эту клоаку – было всего лишь сном…

И маленький мальчик отчаянно плакал – в бешенстве на себя за то, что запомнил имя кого-то, кем он мечтал быть во сне, но забыл имя, данное ему родной матерью – ведь он был всего лишь четырехлетним мальчиком, умиравшим от холода и голода.

И все же он не умер.

Когда он уже потерял всякую надежду и был готов сдаться на милость судьбы, его подобрали двое мужчин, которые собрали много сирот из трущоб.

К сожалению, эти люди не были добрыми.

Они отдавали еду только тем детям, которые что-то украли и принесли им.

Мальчик не хотел воровать, поэтому мужчины часто избивали его, постоянно держа на грани голодной смерти.

Он был очень худым и маленьким, а грязные лохмотья, которые когда-то были одеждой, сшитой для него матерью, висели на нем, как на маленьком жалком пугале.

Его кожа была настолько бледной, что его можно было легко принять за привидение, волосы были черными, а глаза – двумя черными мраморными шариками, не отражавшими никакого света.

Если бы только за ним не так плохо ухаживали, он был бы красивым ребенком…

Каждый его день был похож на предыдущий, и единственным различием в сезонах, которое он мог заметить, было то, как иногда утром грязь на дороге покрывалась белым инеем.

Он не знал, когда у него день рождения, и не узнал о календаре к тому времени, как умерла его мать, поэтому не мог знать, что уже более двух лет его мучила парочка головорезов, используя его в качестве примера для других детей.

"...Бог обманул меня..."

Безвестный ребенок думал про себя, медленно жуя грязный заплесневелый кусок хлеба, который он нашел в мусоре за пекарней.

Он изо всех сил пытался вспомнить имя, которое дала ему мать – он помнил, что оно было красивым, по крайней мере так она говорила ему, но все, о чем он мог вспомнить, были детали сна.

"...Я только надеюсь, что если Мириетт существует, то она в безопасности..."

Он шмыгнул носом, заставляя себя не срыгнуть драгоценной едой – хотя в здравом уме никто бы не назвал заплесневелый хлеб, который он ел, едой.

Мальчик не знал точно, хочет ли он, чтобы сон был правдой или нет, – но он действительно желал безопасности черноволосой девочки, которую он помнил так отчетливо – гораздо более четко, чем что-либо другое, включая его собственное имя.

Хотя не так уж и странно было забыть его, поскольку люди, которые держали его уже долгое время, обращались к нему только как к "бесполезному дерьму".

"Не может быть, чтобы это был мир Kamph um die Liebe! То существо во сне наверняка было не богом, а дьяволом!"

Он раздавил заплесневелый хлеб, который ел, и махнул рукой, словно желая выбросить размоченные куски...

...но он этого не сделал, а просто разжал руку и, со слезами на глазах, жадно съел то, что осталось от хлеба...

На вкус это было ужасно, но ему нужно было что-то есть.

Дети, которые приносили хорошие вещи Эдунгу и Борену, двум мужчинам, которые заставляли их воровать, получали хорошую еду, но так как безымянный мальчик категорически отказывался делать то же самое, ему оставалось только рыться в мусоре.

скрип

"..."

Внезапно задняя дверь пекарни открылась, и вышла толстая жена пекаря, сурово взглянув на мальчика.

Испугавшись, что кто-нибудь накричит, или даже изобьёт, он встал на ноги и начал осторожно отступать.

"— Я... простите, что здесь спрятался..."

Запищал он испуганным голоском. Если бы это был кто-то из тех людей, кто держал его здесь, он бы уже подвергся безжалостным ударам.

"— Я... я просто искал, что поесть..."

Мальчик почувствовал потребность объяснить, что он тут делает, даже несмотря на то, что не делал ничего особенно предосудительного.

"— Ты же один из детей Эдунга и Борена, да?"

Ожиревшая женщина нахмурилась и потянулась рукой куда-то внутрь.

"|Она что, сейчас за метлой...!?|"

Худощавый мальчик пришёл в ужас — он совсем не хотел, чтобы его отхлестали метлой! Тело его уже было чёрным и синим от "уроков", которые он получал, а он ясно помнил, что от палки от метлы больно, ведь когда-то мясник уже гонялся за ним и бил такой.

"..."

Но даже несмотря на свой страх, он не мог вынести нечто в словах той женщины.

"— Я не один из них!"

Он выдавил из себя слабый крик, но, будучи голодным, не мог сдержаться.

"— Воровать... это плохо! Я ни за что не буду воровать!"

Если бы Эдунг, Борен или кто-то из детей, работающих на них, услышали его, его бы безжалостно избили и выбросили из дома на улицу проводить ночь в грязи.

"— А?"

Как будто подтверждая самый большой страх мальчика, женщина вытащила метлу, крепкую, такую, удар которой, казалось, был очень болезненным...!

"...!"

Он подсознательно вздрогнул, но не отступил, глядя на полную женщину, которая приняла его за тех людей, которые мучили его — он был настолько сосредоточен на этом, что совершенно не заметил, как полная женщина вздрогнула и тихо ахнула от удивления.